

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.3>

UDC 340.132
LBC 67.0

Submitted: 03.02.2025
Accepted: 17.02.2025

FEATURES OF THE CONCEPT OF LEGITIMATION IN RUSSIAN LAW ENFORCEMENT

Semyon P. Malyshkin

State Academic University of Humanities, Moscow, Russian Federation

Introduction: the topic of legitimation has received increasing attention in the legal community in recent years. However, a look at this process is not complete enough. So, basically, legitimation is only presented in the context of deliberative procedures in the legislative process. Nevertheless, legitimation represents a significant research and practical potential for compiling an objective picture of the effectiveness of domestic law enforcement, and therefore, the paper attempts to describe the concept of legitimation at this stage. **Purpose:** to propose explanatory models of the legitimation of norms in the process of law enforcement in the domestic legal system. **Methods:** the research methodology includes the socio-legal approach, the comparative law method, the system analysis, and the functional approach. As a **result** of the conducted research, the mechanisms of legitimation and delegitimization of legal norms in the context of domestic law enforcement are described and substantiated; the variability of such legitimation is shown and classified. **Conclusions:** like legislative norms, law enforcement decisions can also be included in the legitimation process. At the stage of law enforcement, legitimation may occur at the time when the law enforcement officer makes his decision on the case under consideration, as well as at the stage of execution of the decision by the person to whom it is addressed. In this regard, it is correct to draw a conclusion about the assessment of the effectiveness of the law enforcement process not by quantitative parameters of initiated or resolved cases but from the point of view of the qualitative parameter of the legitimacy of law enforcement decisions.

Key words: legitimation, delegitimization, law enforcement, recognition in law, law enforcement act, law formation, sociology of law.

Citation. Malyshkin S.P. Features of the Concept of Legitimation in Russian Law Enforcement. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 21-27. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.3>

УДК 340.132
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 03.02.2025
Дата принятия статьи: 17.02.2025

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ ЛЕГИТИМАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Семен Павлович Малышкин

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Российская Федерация

Введение: теме легитимации в последние годы уделяется в юридическом сообществе все большее внимание. Однако взгляд на этот процесс оказывается недостаточно полным. Так, в основном легитимация представляется лишь в контексте делиберативных процедур в законодательном процессе. Тем не менее легитимация представляет значительный исследовательский и практический потенциал для составления объективной картины эффективности отечественного правоприменения, в связи с чем в настоящей статье предпринимается попытка описать концепцию легитимации на этом этапе. **Цель:** предложение объяснительных моделей легитимации норм в процессе правоприменения в отечественной системе права. **Методология** исследования включает в себя социолого-правовой подход, сравнительно-правовой метод, системный анализ, функциональный подход. **В результате** проведенного исследования описаны и обоснованы механизмы легитимации и делегитимации норм права в контексте отечественного правоприменения, показана и классифицирована вариативность такой легитимации. **Выводы:** как и законодательные нормы, правоприменитель-

ные решения также могут быть включены в процесс легитимации. На этапе правоприменения легитимация может происходить в момент принятия правоприменителем своего решения по рассматриваемому им делу, а также на этапе исполнения решения лицом, к которому оно адресовано. В связи с этим корректно сделать вывод и об оценке результативности правоприменительного процесса не количественными параметрами возбужденных или разрешенных дел, а с точки зрения качественного параметра легитимированности правоприменительных решений.

Ключевые слова: легитимация, делегитимация, правоприменение, признание в праве, правоприменительный акт, правообразование, социология права.

Цитирование. Малышкин С. П. Особенности концепции легитимации в российском правоприменении // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 21–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.3>

Введение

Интерес к теме легитимации, заявленной в настоящей работе, обусловлен общей неразработанностью рассматриваемой тематики в отечественной юридической науке. Как правило, легитимация рассматривается лишь как производное понятие от легитимности, которая в большей мере раскрывается в контексте социологической или политологической литературы [12, р. 37–40], но в последние годы стала также раскрываться и в юридических исследованиях [3]. Тем не менее тематика легитимности (и тем более легитимации) все еще остается периферийной темой для отечественной теоретико-правовой литературы, хотя, как представляется, является ключом к объяснению эффективности правового регулирования и иных процессов, происходящих в контексте правотворчества и правоприменения. Подтверждение нашим предположениям мы находим и в профильной литературе, где отмечается, что эффективность правового регулирования непосредственно связана с легитимностью (признанностью в качестве надлежащих для исполнения) норм права, которая не может быть сведена к свойству легальности или законности [2, с. 53].

Место легитимации права в системе юридической деятельности

Обращение же к правоприменительному аспекту в рамках заявленной темы обусловлено непопулярностью этого исследовательского ракурса в философско-правовой и теоретико-правовой литературе как в России, так и за рубежом. Отсутствие интереса к теме легитимации объясняется также и структур-

ными причинами, восходящими к особенностям существующих правовых семей. Так, в романо-германской правовой семье, в том числе в Российской Федерации, существует принципиальный разрыв между законодательной и правоприменительной деятельностью. Иными словами, законодательная деятельность далеко не всегда основывается на нуждах практики, на обратной связи от применения норм в той или иной сфере права. Поэтому иногда складывается ситуация, при которой введение новых законов не решает существующих практических проблем, но иногда даже усложняет общую систему действия норм, взаимодействия граждан между собой, а также с государством.

Правоприменение в таких условиях оказывается предоставленным самому себе. Поэтому, например, появляется законодательно признанная задача обеспечения единства судебной практики, которая решается Верховным и Конституционным судами Российской Федерации [9, с. 200–201]. Более того, в силу такого разрыва появляется практика применения норм не на основе текста федеральных законов, а на основе писем, приказов, распоряжений, регламентов и других форм подзаконных актов, что обрело свое обозначение в понятии регламентного права [4, с. 389–390]. При этом юридический характер части таких подзаконных актов иногда оказывается под вопросом.

По другой причине вопрос легитимации в контексте правоприменения не получает своего полного раскрытия в англо-саксонской правовой семье. В этой правовой традиции основным источником права, в принципе, является правоприменительный (как определили бы это в отечественной литературе) акт – судебный прецедент. Однако в силу этой осо-

бенности судебный акт и становится тем, что в отечественной и иной романо-германской системе права называется «законом». При этом такой «закон» существует наравне с аналогами актов, принимаемых парламентом – «статутами» [10, с. 34–35]. Поэтому в англо-саксонской правовой доктрине вопрос легитимации звучит более радикально: «Творят ли судьи право или применяют его?» [13, р. 1007–1009].

На основе вышеуказанных причин тематика легитимности и легитимации оказывается более раскрытой в контексте законодательства. Например, концепция легитимации права Ю. Хабермаса строится вокруг признания законодворческих актов, что концептуализируется в понятиях делиберативных процедур и делиберативной демократии, которые отражают смысл принятия законодательных решений при обсуждении и участии представителей гражданского общества [1, с. 140]. Однако сама концепция делиберативной демократии, хотя и затрагивает сферу конституционного законодательства, в большей мере относится даже не к конституционализму, а к политологии и политической философии. А потому на первый план в этом аспекте выходит не вопрос действенности норм права, а вопросы обеспечения демократических стандартов принятия политических решений.

Таким образом, в отсутствие общей концепции легитимации в контексте правоприменения как в зарубежной, так и отечественной философско-правовой литературе задачей настоящей статьи является предложение объяснительных моделей легитимации норм в процессе правоприменения в отечественной системе права.

Обоснование возможности легитимации права на этапе правоприменения

Поскольку тема легитимации в контексте российского правоприменения во всех ее возможных аспектах была бы слишком широкой для освещения в одной статье, отметим основные положения для очерчивания границ нашего исследования. Мы отметили, что даже в профильной литературе, касающейся легитимации, речь ведется лишь о легитимации в контексте делиберативных процедур,

относящихся к законодворческой деятельности. Обращение в философско- и теоретическо-правовой литературе лишь к законодворчеству свидетельствует об отсутствии в доктрине определенности в отношении того, каким образом и на каких основаниях возможно описание легитимации вне законодворчества: в том числе в контексте правоприменения и тем более в контексте реализации права, которое практически не рассматривается как объект юридических исследований. Поэтому для приведения такой аргументации, которая относится к аксиоматическим положениям юриспруденции, в некоторой степени выходящим за пределы собственно юридической науки, обратимся к философско-правовой аргументации.

Для искомого обоснования обратимся к функциям права. В зарубежной литературе встречается точка зрения на основную функцию права, как на средство, служащее для урегулирования или предотвращения конфликтов. В американской литературе этот тезис также приписывают так называемой морально-функционалистской концепции права («moral functionalist» conception of law) [14, р. 276]. Если мы обратим внимание на отечественную теоретико-правовую литературу, затрагивающую функцию права, то обнаружим схожие взгляды касательно назначения права – регулирование и охрана общественных отношений, что выражается соответственно в регулятивной или охранительной функции права [8, с. 131–132]. Последняя, в свою очередь, включает в себя функционал разрешения конфликтов, о котором было сказано в контексте зарубежной литературы.

Сопоставляя виды юридической деятельности (правотворчество и правоприменение) с описанными функциями права, мы приходим к выводу, что функция урегулирования конфликтов (охранительная функция) реализуется в контексте правоприменения. Правотворчество, в свою очередь, более релевантно регулятивной функции права. В этом контексте отметим, что если регулятивная функция может быть оценена на предмет легитимности, то и выполнение охранительной функции также по тем же основаниям может быть как легитимировано, так и делегитимировано.

Безусловно, вопросы о том, какие законы принимать, как распределять бюджет го-

сударства и распоряжаться налогами, которые относятся к законодательной деятельности, являются более острыми и масштабными, поэтому есть количественно больше оснований для существования практики их признания или непризнания. Однако по этим же основаниям может быть оценен и процесс воплощения этих норм в жизнь отдельными уполномоченными государственными органами и должностными лицами – правоприменение. Например, могут не признаваться или признаваться в качестве надлежащих обстоятельства, в которых применяются соответствующие правовые нормы, круг лиц, в отношении которых они применяются, форма их применения и другие параметры. При этом в данном случае признаваться (легитимироваться) или не признаваться могут не отдельные правоприменительные решения по какому-либо разрешаемому спору, но и общие практические закономерности или тенденции, когда по однородным спорам принимаются определенные и предсказуемые правоприменительные решения. Обратимся к структуре правоприменения, чтобы более конкретно описать механику легитимации в этом контексте.

Правоприменение в широком смысле как процесс урегулирования споров должностными лицами, государственными органами или иными уполномоченными лицами всегда подразумевает некоторый итог этой деятельности в виде правоприменительного решения или решений – издание правоприменительного акта (судебного решения, протокола, предупреждения и т. д.). В отечественной теории права принято считать, что именно этим и оканчивается правоприменительный процесс [5, с. 116]. Таким образом, правоприменительный процесс в некоторой степени аналогичен процессу законотворчества, результатом которого становится также определенный правовой акт. Однако такое представление и о законотворческом, и о правоприменительном процессах, результатом и завершением которых является создание правового акта (нормативного или индивидуального), является неполным. Как отмечают В.Ю. Трофимов и Н.А. Придворов, для действительного обретения юридической силы принятый закон должен пройти наряду с этапом формализации также этап социализации, то есть применения

на практике и оценки его адресатами такого закона, как надлежащего или ненадлежащего для его исполнения [7, с. 316–317]. Аналогичный процесс «социализации права» происходит и в случае с правоприменительными актами.

В этом контексте следует обратить внимание на ту часть правоприменительного процесса, в котором происходит легитимация или делегитимация права. Отвечая на этот вопрос, отметим, что легитимация или делегитимация может быть идентифицирована на двух этапах правоприменительного процесса. Во-первых, в момент принятия правоприменителем своего решения по рассматриваемому им делу. И во-вторых, на этапе исполнения решения лицом, к которому оно адресовано.

Иными словами, «социализация» на этапе правоприменения происходит и через понимание, толкование и оформление правоприменителем своего решения, когда посредством интерпретационной деятельности такого лица норма федерального закона, как правило, трансформируется из-за переложения ее на конкретные жизненные обстоятельства. Для понимания этого процесса можно обратиться, например, к объяснительной схеме Г.Ф. Шершеневича, представившего процесс правоприменения в виде силлогизма, в котором большая посылка (норма права), переходя через меньшую посылку (реальные жизненные обстоятельства дела), в любом случае изменяется с поправкой на них [11, с. 405].

К этому же относятся и ситуации некорректного понимания правоприменителем нормы (как в случае ее более строгого, так и в случае ее менее строгого применения). Очевидный пример, когда суды делегитимировали путем существенно более широкого толкования ст. 282 Уголовного кодекса РФ при квалификации лайков и репостов в соцсетях. На это обратил внимание впоследствии Верховный суд РФ [6]. Этот случай корректно квалифицировать как делегитимацию нормы потому, что ее юридический смысл размывается и заменяется не соответствующим этому замыслу произвольным пониманием должностных лиц через соответствующую правоприменительную практику.

Легитимация и делегитимация также могут происходить и на этапе исполнения вынесенного правоприменительного решения.

В контексте правоприменения должно быть даже более очевидно, что оценка ее результата заключается в виде исполнения этого предписания лицом, к которому оно обращено, а не просто в вынесенном акте. Отсюда следует, что для более реалистичного представления о результатах правоприменения целесообразнее было бы обращать внимание на действия лица, к которому обращены эти правоприменительные акты. Так, к примеру, решения могут не исполняться, предписания игнорироваться, штрафы не оплачиваться. Однако подчеркнем, что нарушение и делегитимация решения не являются одним и тем же действием.

Неисполнение решения суда или другого правоприменительного органа или лица характеризуется полным отказом обязанного лица от совершения возложенного на него действия. Делегитимация оказывается ближе к злоупотреблению правом, обходу закона, действиям по типу «итальянской забастовки». Такое понимание делегитимации более релевантно для гражданско-правовой сферы (в широком смысле) в силу того, что в охранительных отраслях права правоприменительные решения реже возлагают на лиц, к которым обращены такие правоприменительные решения, обязанность в виде активных действий. В большей мере в охранительных отраслях права предусматриваются обязанности в виде претерпевания неблагоприятных действий. В гражданско-правовой же сфере лицо может напрямую не отказываться от исполнения обязанности, но создавать условия, замедляющие, отсрочивающие или искажающие изначальный смысл возложенной на него обязанности. Например, инициация процедур банкротства таким должником, использование фактических процессуальных особенностей, замедляющих движение дела (например, подача заявлений в более загруженный суд с более медленным делопроизводством, выбор более загруженного отделения ФССП и т. д.).

Выводы

Таким образом, на основе обращения к функциям права, приведения аналогии с процессом правообразования и наблюдения структурной разделенности процессов форма-

лизации и исполнения правоприменительных актов, мы пришли к выводу, что, как и законодательные нормы, правоприменительные решения также могут приниматься и одобряться их адресатами (гражданами, организациями, должностными лицами) и не одобряться, игнорироваться или саботироваться. Мы также отметили, что понятие делегитимации в контексте правоприменения оказывается ближе к злоупотреблению правом, обходу закона, действиям по типу «итальянской забастовки», но не открытому отказу в исполнении нормы, которая обращена к определенному лицу вынесенным правоприменительным актом. В связи с этим мы делаем вывод, что результативность правоприменительного процесса требует также оценки решений, вынесенных в этом процессе, с позиций легитимированности таких решений их адресатами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисенко, В. В. Делиберативность как принцип принятия публично-правовых решений в правовом государстве / В. В. Денисенко // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 140–142.
2. Денисенко, В. В. Легитимация норм права в трудах Г.В. Мальцева / В. В. Денисенко // Юридический мир. – 2024. – № 11. – С. 51–53.
3. Легитимность права. – СПб. : Алетейя, 2019. – 496 с.
4. Назайкинская, В. А. Понятие и особенности административного регламента как источника российского права / В. А. Назайкинская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 383–396.
5. Палеха, Р. Р. Правоприменительный акт – завершающий этап правоприменительной деятельности / Р. Р. Палеха // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – № 2. – С. 114–116.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.09.2018 № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”» // Российская газета. – 2018. – № 215.
7. Придворов, Н. А. Правообразование и правообразующие факторы в праве / Н. А. Придворов, В. В. Трофимов. – М. : Норма, 2016. – 400 с.
8. Радько, Т. Н. Теория функций права / Т. Н. Радько. – М. : Проспект, 2014. – 269 с.

9. Ситникова, И. Л. Единство судебной практики – потребность и веление правоприменительного процесса / И. Л. Ситникова // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 2. – С. 198–202.

10. Четвернин, В. А. Введение в курс общей теории права и государства / В. А. Четвернин. – М. : Ин-т государства и права РАН, 2003. – 204 с.

11. Шершеневич, Г. Ф. Избранное : в 6 т. Т. 4 (включая Общую теорию права) / Г. Ф. Шершеневич ; вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. – М. : Статут, 2016. – 752 с.

12. Beetham, D. The Legitimation of Power / D. Beetham. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2003. – 267 p.

13. Llevellin, K. N. The Case Law System in America / K. N. Llevellin // Columbia Law Review. – 1988. – Vol. 88, № 5. – P. 989–1020.

14. Turk, A. T. Law as a Weapon in Social Conflict / A. T. Turk // Social Problems. – 1976. – Vol. 23, № 3. – P. 276–291.

REFERENCES

1. Denisenko V.V. Deliberativnost kak princip prinjatija publichno-pravovyh reshenij v pravovom gosudarstve [Deliberation as a Principle of Public Law Decision-Making in a State Governed by the Rule of Law]. *Juridicheskaja tehnika* [Legal Technique], 2020, no. 14, pp. 140-142.

2. Denisenko V.V. Legitimacija norm prava v trudah G.V. Malceva [Legitimation of the Norms of Law in the Works of G. V. Maltsev]. *Juridicheskij mir* [Legal World], 2024, no. 11, pp. 51-53.

3. *Legitimnost prava* [Legitimacy of Law]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2019. 496 p.

4. Nazajkinskaja V.A. Ponjatie i osobennosti administrativnogo reglamenta kak istochnika rossijskogo prava [Concept and Features of Administrative Regulations as a Source of Russian Law]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Juridicheskie nauki* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 2023, vol. 27, no. 2, pp. 383-396.

5. Paleha R.R. Pravoprimenitelnyj akt – zavershajushhij etap pravoprimenitelnoj dejatel'nosti

[Law Enforcement Act is the Final Stage of Law Enforcement Activity]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2006, no. 2, pp. 114-116.

6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 20.09.2018 № 32 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 ijunja 2011 goda № 11 “O sudebnoj praktike po ugovolnym delam o prestuplenijah ekstremistskoj napravlenosti”» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated September 20, 2018 No. 32 “On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated June 28, 2011 No. 11 ‘On Judicial Practice in Criminal Cases of Extremist Crimes’”]. *Rossijskaja gazeta*, 2018, no. 215.

7. Pridvorov N.A., Trofimov V.V. *Pravoobrazovanie i pravoobrazujushhie faktory v prave* [Legal Formation and Legal-Forming Factors in Law]. Moscow, Norma Publ., 2016. 400 p.

8. Radko T.N. *Teorija funkcij prava* [Theory of the Functions of Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 269 p.

9. Sitnikova I.L. Edinstvo sudebnoj praktiki – potrebnost i velenie pravoprimenitel'nogo processa [Unity of Judicial Practice is the Need and Imperative of the Law Enforcement Process]. *Sibirskoe juridicheskoe obozrenie* [Siberian Legal Review], 2019, no. 2, pp. 198-202.

10. Chetvernin V.A. *Vvedenie v kurs obshhej teorii prava i gosudarstva* [Introduction to the General Theory of Law and the State]. Moscow, In-t gosudarstva i prava RAN, 2003. 204 p.

11. Shershenevich G.F. *Izbrannoe: v 6 t. T. 4 (vključaja Obshhiju teoriju prava)* [Favorites: In 6 Vols. Vol. 4 Including the General Theory of Law]. Moscow, Statut Publ., 2016. 752 p.

12. Beetham D. *The Legitimation of Power*. New York, Palgrave Macmillan, 2003. 267 p.

13. Llevellin K.N. The Case Law System in America. *Columbia Law Review*, 1988, vol. 88, no. 5, pp. 989-1020.

14. Turk A.T. Law as a Weapon in Social Conflict. *Social Problems*, 1976, vol. 23, no. 3, pp. 276-291.

Information About the Author

Semyon P. Malyshkin, Master of Sciences (Jurisprudence), Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law, State Academic University of Humanities, Maronovskij Lane, 26, 119049 Moscow, Russian Federation, blkkosa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8541-4242>

Информация об авторе

Семен Павлович Малышкин, магистр права, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Государственный академический университет гуманитарных наук, пер. Мароновский, 26, 119049 г. Москва, Российская Федерация, blkkosa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8541-4242>